

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

А. В. СТЕПАНОВ

«НА ПОЛЬЗУ И ПАМЯТЬ ОБЩЕСТВА», ИЗДАНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ИВАНОВО- ВОЗНЕСЕНСКОГО РЕГИОНА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ОПЫТ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Обращаясь к проблеме социальной памяти, автор исследует процесс и инструменты ее создания на примере так называемых «фабричных книг», издававшихся на рубеже XIX–XX вв. и посвящённых истории и состоянию промышленных предприятий. Автор предлагает попытку анализа «фабричных книг» как заявки русской промышленной буржуазии конца XIX – начала XX в. на своё место в истории

Ключевые слова: социальная память, “фабричные книги”, промышленная буржуазия, благотворительность, воспитательная и просветительская деятельность.

Понятие «социальная память» может иметь весьма широкий круг значений. В предлагаемой работе оно трактуется как память о социальной, т.е. бескорыстной и не обусловленной требованиями закона *общественно-полезной* деятельности отдельных лиц и организаций, которая иначе обозначается как «филантропия» или «благотворительность». Под «созданием социальной памяти» автор понимает собирание, систематизацию и предание огласке фактов подобной деятельности с целью сохранить память о ней среди широких слоёв населения.

Пример «создания социальной памяти» – так называемые «фабричные книги», посвящённые истории и современному состоянию промышленных предприятий. Такие книги выпускались обычно к юбилеям фабрик или заводов, которые всё чаще отмечались на рубеже XIX–XX вв. Иногда издание книг было приурочено к промышленным выставкам или иным общественно-значимым событиям. В любом случае, сам предмет таких книг был настолько специфичен, что «фабричная» литература поневоле стала выразителем взглядов нарождавшейся русской буржуазии и её заявкой на место в отечественной истории. Авторы подобных книг почти никогда не указывались, однако можно предположить, что высказанные в их трудах утверждения согласовывались с заказчиком и отражали его притязания на социальную память.

Напомним в этой связи, что до начала XX в. классическая русская историческая наука мало интересовалась вопросами экономики, а тем более – повседневной жизнью простого люда. «Маленький человек»

нашей «большой» историографии был в лучшем случае крестьянином или люмпеном, жизнь которых в разной степени подробно исследовали В.И. Семевский и И.Г. Прыжов. О нарождающихся классах нового, индустриального общества – о фабричных рабочих и промышленной буржуазии – ничего не писали учителя наших историков – немецкие учёные первой половины XIX в., сами жившие в патриархальной стране, которая ещё не вступила в промышленный период развития. Традиция изучать труд простонародья, его жилище, питание, досуг, образование и т.п. в русской академической историографии к началу XX в. ещё только зарождалась. Практически отсутствовал в ней также интерес к «истории современности». Не случайно в общих курсах, созданных В.О. Ключевским и С.Ф. Платоновым, недавнему прошлому страны, очевидцами которого исследователи были, отведено весьма скромное место. Как тут не вспомнить «вздых облегчения», вырвавшийся у Ключевского в дни, когда русское общество отмечало *столетие* со дня кончины последней царствовавшей императрицы: «Для Екатерины наступила историческая давность». Не будет слишком смелым предположить, что именно такую временную дистанцию Ключевский считал необходимой для подлинно научного труда по истории. Однако заказчикам «фабричных книг» явно не хотелось ждать так долго. История, которую они стремились запечатлеть и донести до потомков, была куда короче, но, с точки зрения её творцов, ничуть не беднее событиями, да и по значению не уступала «дворянской» истории царей и полководцев.

Если приложить к изучаемым книгам термин «регион исследования», то окажется, что им служили, как правило, фабричные посёлки, т.е. поселения, обязанные фабрике и её хозяевам своим появлением на свет. Иными словами, со страниц «фабричных книг» с читателем говорил Творец Истории, тот самый Демиург, который имел уж никак не меньше оснований гордиться своими деяниями, чем государственные мужи прошлого. Разница была лишь в том, что о делах последних со временем написали бы академические, то есть дворянские, учёные, тогда как зафиксировать «фабрикантское» видение прошлого могли только сами промышленники, не надеявшиеся в деле сохранения социальной памяти ни на столичную интеллигенцию, ни уж тем более на «пролетариев». По иронии судьбы, последние взялись за мемуары только после революции, лишившей хозяев предприятий всех плодов их многолетних усилий: в 1920-е гг. губернские комиссии по истории ВКП(б) (!) принялись записывать воспоминания рабочих об их прежней жизни – правда, исключительно с целью показать её тяготы как причину, толкавшую пролетариев на забастовочную борьбу и в революционное движение.

Таким образом, автор предлагает попытку анализа «фабричных книг» как заявки русской промышленной буржуазии конца XIX – начала XX в. на своё место в истории, понимая под историей и «течение жизни общества», и «историческую науку». Такой подход представляется полезным хотя бы потому, что до 1905–1907 гг. примеры участия представителей русского промышленного мира (особенно провинциального) в обсуждении социальных проблем страны почти неизвестны.

Как ни странно, первой попыткой ивановских фабрикантов напомнить широкой общественности о себе и своих заслугах стала Всемирная Колумбийская выставка в г. Чикаго (США) в 1893 г. Экспозицию их продукции за океаном сопровождала брошюра, знакомящая американцев с неведомым им «русским Манчестером»¹. Ее составитель А.Н. Бочаров, сам того не ведая, заложил традицию построения подобных изданий. Добрую половину текста он посвятил описанию социального прогресса в Иваново-Вознесенске, где, например, доля учащихся (7,5% от числа жителей) выше, чем в иных губернских городах, причём местные учебные заведения «в значительной мере поддерживаются средствами, предоставленными производственными предприятиями». Причину этого Бочаров усматривал в традиции местных фабрикантов доверять управление компаниями своим родственникам или землякам, не приглашая директоров со стороны: «Это похвальное стремление к самопомощи является причиной основания школ в городе»².

Первая волна издания «фабричных книг» в крае возникла в 1896 г. в связи с проведением в Нижнем Новгороде всероссийской выставки, ставшей своего рода смотром достижений отечественной экономики к концу XIX в. К этой волне принадлежит «историко-статистический очерк» текстильного предприятия И.А. Коновалова в селе Бонячки Костромской губ. (совр. – г. Вичуга Ивановской обл.)³. Большая часть брошюры (19 стр. из 27) посвящена описанию двух фабрик, принадлежавших семье Коноваловых и расположенных в сёлах Бонячки и Каменка. Кроме того, перечислены сооружённые владельцами предприятия социальные объекты: жильё, продовольственные магазины, церковь, школа, больница, клуб для служащих. Собственно историческим этот очерк называть ещё трудно: он скорее фиксирует положение дел, сложившееся к 1896 г. В этом лаконичном тексте можно найти примечательные моменты. Так, безымянный автор подчёркивает, что в фабричных общежитиях

¹ Bocharov. 1893.

² Ibid. P. 9.

³ Торгово-промышленная деятельность... 1896.

«принято строгое разделение мужчин от женщин» (С. 22) (Коноваловы принадлежали к старообрядцам и отличались строгой нравственностью), а «покупка <продовольствия> из фабричных лавок не обязательна для служащих и рабочих» (иными словами, не является дополнительным источником дохода для фабрикантов)⁴. Но важнее этих многозначительных мелочей общий пафос текста: целью его издания явно было показать весомый вклад Коноваловых в развитие социальной инфраструктуры юго-восточного уголка Костромской губернии, в благоустройство быта десятков служащих и (даже!) тысяч рабочих двух предприятий. Но говорить об этом открыто автор ещё не решается и «забалтывает» общественно-политический месседж своего сочинения мелкими деталями вроде числа газовых рожков и электрических ламп в фабричных цехах.

Ещё заметнее заявка фабриканта на роль создателя нового мира прослеживается в вышедшей в том же году брошюре, посвящённой текстильному комбинату Ясюнинских в с. Кохма Владимирской губ. (в настоящее время – г. Кохма Ивановской обл.)⁵. Свыше половины её объёма отведено описанию социальной сферы предприятия. Подробно рассказано о фабричных общежитиях («казармах») с прачечной и (бесплатной для рабочих) баней, а также о больнице, «родильном приюте» и аптеке. Особое внимание уделено описанию трёх школ, «построенных и учреждённых на средства фирмы Ясюнинских и отдельных членов ея»⁶ (это позволяет предположить, что автором анонимного сочинения был кто-то из учителей, работавших в этих школах, или из училищных попечителей). Не обойдены вниманием и иные социальные проекты и программы Ясюнинских: библиотека, «потребительское общество» (кооперативный продовольственный магазин) с внушительным товарооборотом и даже «капитал для бедных невест», внесённый в Шуйский городской банк. Отметим, что в списке финансируемых предприятием социальных объектов отсутствует церковь, а готовность просвещённых бизнесменов (два из трёх братьев Ясюнинских имели дипломы инженеров) помогать ей выражается более чем скромно: с Рождества до Пасхи для жителей фабричных казарм приходские священники проводили евангельские чтения с «туманными картинками», чередуясь, впрочем, с учителями фабричной школы, предлагавшими той же аудитории «мелкие рассказы по Естественной и Русской Истории»⁷.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Товарищество Мануфактур В.Е. и А. Ясюнинских... 1896.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Там же. С. 11.

Не менее явственно апология социально-устроительной деятельности Ясюнинских звучит в отчёте потребительского кооператива, действовавшего при их фабрике⁸. Авторы отчёта не жалеют места для описания той роли, которую играет в успешной работе общества дешёвый кредит, предоставленный ему фабрикантами, а также сданные обществу в аренду по низкому тарифу складские и торговые помещения⁹. Оставлено без должной оценки разве что личное участие Ясюнинских в руководстве делами кооператива: председателем его правления состоял Н. Ясюнинский, а членами правления числились ещё два выходца из этой семьи¹⁰. Возможно, составитель полагал, что уплаченное по итогам года десятерым менеджерам вознаграждение в сумме 1250 руб. служило достаточным воздаянием за их труды.

Заметим, что высокой оценки социальная деятельность Ясюнинских удостоилась не только со стороны лиц, находившихся в служебной зависимости от владельцев предприятия. Её подтверждает и независимый источник – полковник отдельного корпуса жандармов Н.И. Воронов, шестнадцать лет возглавлявший полицию во Владимирской губернии: «Гг. Ясюнинские – люди добрые, гуманные и относятся к рабочему заботливо»; да, впрочем, и «кохомские рабочие – народ деревенский, тихий, и не заразился от своих соседей бурными наклонностями»¹¹.

Более интересной представляется брошюра, изданная в том же 1896 г. по заказу Балиных – владельцев прядильно-ткацкой фабрики в с. Южа Владимирской губ. (ныне г. Южа Ивановской обл.)¹². Их предприятие было значительно моложе фабрик Коноваловых или Ясюнинских, ведущих родословную с 1810-х гг.: ко времени издания брошюры южская фирма насчитывала всего 34 года от роду. К тому же в 1879 г. фабрику Балиных уничтожил пожар. В таких условиях её владельцы, казалось бы, не могли похвастаться широкой «мироустроительной» деятельностью – для неё у Балиных просто не хватало исторического времени. Однако книжка показывает, что его ход мог быть достаточно быстрым. В самом деле, к 1896 г. на предприятии работало свыше 3300 чел., обустроить быт которых крошечное село просто не имело возможности. В результате за четверть века Балины выстроили вокруг фабрики свой «микромир»: пять общежитий, посёлок индивидуальных домов, больницу с аптекой и амбулаторией, богадельню, училище с библиотекой и даже почтово-

⁸ Общество потребителей... 1898.

⁹ Там же. С. 7, 8.

¹⁰ Там же. С. 46.

¹¹ Воронов. 1907. С. 20.

¹² Высочайше утверждённое Товарищество мануфактуры... 1896.

телеграфную контору. Примечательно, что имевшаяся в этом функциональном раю церковь действовала «при богадельне»¹³. Как и в двух других изданиях, описание социальной сферы предприятия занимает в этой книге добрую треть её общего объёма.

Спустя год, в феврале 1897 года, в Юже праздновали десятилетие работы Н.А. Балина на посту директора-распорядителя семейного предприятия. По этому поводу бухгалтер Товарищества Я.М. Пашков выпустил скромный труд, несущий несомненные признаки исторического сочинения¹⁴. Проследив эволюцию южской фабрики и посёлка при ней на протяжении 1880–1890-х гг., автор делает вывод: благодаря предприятию, «эта местность перестала быть глушью», а её обитатели получили возможность «следить за жизнью остального мира» «Если судьба забросит и вполне интеллигентного человека в эту отдалённую местность, то он не загложнет в ней, а напротив встретит там общество людей с высшим образованием», – с пафосом писал Я.М. Пашков¹⁵. На торжествах выступил и директор Южской фабрики П.И. Минофьев. Он кратко напомнил о росте предприятия за последнее десятилетие и тут же перешёл к детальному описанию его социальной сферы (кстати, и в этом выступлении фабричная церковь была названа действующей *при богадельне*). Вывод директора звучал не без некоторой доли юбилейной лести: «Разнообразная, разумная и богатая добрыми последствиями деятельность <Н.А. Балина. – А.С.> направлена к созданию благополучия всех тех, кто отдаёт свой труд Товариществу». Впрочем, поднося директору-распорядителю бювар работы Фаберже, просто директор выразил надежду, что в будущем «Товарищество продолжало бы развивать те гуманные цели, которые всё время Вами преследовались»¹⁶.

На торжествах в Юже взял слово и будущий составитель юбилейного отчёта. Если Я. Пашков не исказил впоследствии собственных слов, то он сказал: «В то время, когда так часто приходится читать и слышать о разного рода печальных недоразумениях на других окрестных фабриках той же Владимирской губернии на почве борьбы труда и капитала, весьма светлым и отрадным событием является настоящее торжество, где в таком единении сливается и труд, и капитал – эти не всегда родственные, но всегда могучие двигатели современной промышленности»¹⁷. Не менее ярко озвучил мысль о приоритете социаль-

¹³ Там же. С. 19.

¹⁴ Описание торжества чествования... 1897.

¹⁵ Там же. С. 5-6.

¹⁶ Там же. С. 11-12.

¹⁷ Там же. С. 17.

ной деятельности Балиных над их коммерческими усилиями вязниковский уездный врач и консультант фабричной больницы, К.В. Беляев: «Прошло то время, когда на фабричные предприятия смотрели как на такие, деятельность которых направляется исключительно к выгоде их “хозяев”. Собственно говоря, я не знаю, было ли когда-либо таково положение дел в действительности»¹⁸.

Не остался в стороне священник Южской фабричной церкви о. Николай Гусев. Обращаясь к юбиляру, он сказал: «Вы трудитесь для общественной пользы, не имея в виду одних личных корыстных расчётов. Вы как гуманный хозяин всегда старались улучшить материальное положение как рабочих, так и служащих». Перечислив далее все созданные фабрикой социальные учреждения, священник добавил: «...и наконец, что всего важнее и необходимее сделано за время существования Товарищества, так это устройство при богадельне приходского храма»¹⁹. Несколько странное положение храма, буквально «встроенного» (судя по фотографиям) в здание богадельни, отца Николая, кажется, не смущало. После всего услышанного виновнику торжеств только и оставалось, что пообещать собранию: «Я намерен на некоторое время приостановиться в дальнейшем расширении <предприятия> и, главным образом, употребить свои заботы на улучшение быта служащих и рабочих»²⁰.

Поток комплиментов в адрес Н.А. Балина может показаться примером «фальсификации истории» буржуазией, о которой любили твердить марксисты. Однако достоверность юбилейных речей подтверждает всё тот же жандармский полковник Н.И. Воронов, не состоявший у Балиных на платёжной ведомости: «С самого основания Южской фабрики никогда не возникали никакие недоразумения; рабочие пользовались льготами и преимуществами, которых лишены на других фабриках; администрация никаких неправильностей не допускала». Впрочем, и в этом случае Н. Воронов отмечает, что «рабочие на Южанской фабрике народ деревенский, тихий, незнаком с социальным учением»²¹.

Скромнее и деловитее выглядит брошюра, изданная одним из самых старых предприятий Иваново-Вознесенска – отделочной фабрикой П.И. Витовой²². Там трудилось менее 500 чел., к услугам которых была вся социальная инфраструктура лежавшего рядом пятидесятитысячного города. Тем не менее, и в этой брошюрке отмечено наличие при фабри-

¹⁸ Там же. С. 24.

¹⁹ Там же. С. 15.

²⁰ Там же. С. 18.

²¹ Воронов. 1907. С.31, 32.

²² Товарищество мануфактур Прасковьи Витовой с сыновьями... 1896.

ке спальных помещений для рабочих, а также кухни и пункта неотложной медицинской помощи. Обратим внимание на одну примечательную деталь. Все фабричные публикации 1896–97 гг. крайне лаконично говорят об ассортименте продукции предприятий или о наградах, которыми она была удостоена, т.е. о предметах законной гордости владельцев и организаторов производства. Иными словами, «чистый пиар», т.е. реклама товара, явно не был главной целью сочинения и издания книжечек. Основной их темой стала именно социальная и просветительская деятельность фабрикантов – устроителей «нового мира», куда более совершенного (если верить авторам), чем окружающая Россия, созданная под властью дворянского государства и при участии такого же «общества». Заметим, что всё это писалось в условиях, когда «рабочий вопрос» в России в лучшем случае только «народился», но ещё не потеснил в сознании общественности другой вечный вопрос – крестьянский.

В первые годы нового столетия два исторических труда выпустило расположенное в Иваново-Вознесенске ткацко-отделочное предприятие наследников И.Н. Гарелина, чей 50-летний юбилей не очень кстати пришёлся на 1905-й год²³. Рассмотрим более поздний из них, который носит несомненные черты исторического очерка и своеобразного манифеста, излагающего мотивы социальной активности фабрикантов.

Из 24-х страниц брошюры «бизнес-портрет» предприятия занимает 6-7; две трети издания отведены подробному описанию социальных программ, в реализации которых Гарелины зачастую выступали пионерами. Так, «имея в виду отсутствие удовлетворительных в гигиеническом отношении частных квартир для рабочего люда в Иваново-Вознесенске», фабрика выстроила три благоустроенных общежития для одиноких и семейных рабочих, а с 1897 г. приступила к созданию «колонии служащих и рабочих вне фабричного двора»²⁴. В период, когда общероссийский закон о страховании рабочих в промышленности ещё только обсуждался в Государственной Думе, автор брошюры не преминул отметить, что все работники предприятия Гарелиных имеют страховку на случай смерти, инвалидности и временной нетрудоспособности, за что фирма платит по 4 тыс. руб. в год²⁵.

Особое внимание брошюра уделяет воспитательным и образовательным программам Товарищества. Оно не только содержало два училища («дабы способствовать образованию детей рабочих»), но и прово-

²³ Товарищество мануфактур «Ивана Гарелина с сыновьями»... 1904.

²⁴ Товарищество мануфактур «Ивана Гарелина с сыновьями»... 1907. С. 16-17.

²⁵ Там же. С. 19.

дило народные чтения, которые «благотворно влияют на зрителей хотя бы в смысле отвлечения от разгула и пьянства». Местом чтений было «зало» при спальном корпусе предприятия, вмещавшее до полутора тысяч зрителей. «Зало» было оборудовано принудительной вытяжной вентиляцией, «электрическим фонарём» (диаскопом) и даже «кинематографом». Немудрено, что диковинное зрелище, название которого ещё не устоялось, собирало немалую аудиторию: «Зало обыкновенно бывает переполнено посетителями»²⁶. Памятуя о вместимости импровизированного киноклуба, оценим тот факт, что православный храм, выстроенный «для удовлетворения религиозным потребностям фабричного населения» (отметим утилитарно-светскую мотивировку!) на средства совладельца и директора фабрики А.И. Гарелина в 1903 г., был рассчитан лишь на 700 молящихся²⁷. Заметим также, что топ-менеджер выстроил храм лишь к двадцатому году своей работы во главе семейной фирмы (А.И. Гарелин возглавил Товарищество в 1884 г.).

Не меньше внимания предприятие уделяло здравоохранению. Фабрика содержала «родильный приют», ясли и «колыбельную», где матерей «научают разумным началам ухода за детьми», а также больницу «для хроников» (начало XX в. было временем пандемии лёгочного туберкулёза). «Ввиду отсутствия в городе Иваново-Вознесенске специально детской больницы и проистекающей отсюда большой смертности детей», члены семьи Гарелиных выделили свыше 50 тыс. руб. на открытие детского отделения (фактически – самостоятельного здания) при городской «чернорабочей» больнице²⁸.

Последняя волна «фабричных книг» пришлась на 1912-13 гг. Это связано и с юбилеями предприятий, и, возможно, с торжествами по случаю 300-летия дома Романовых – последнее официальное мероприятие вызвало в обществе новый интерес к прошлому России. Словно в ответ на него одна за другой вышли книги, отразившие историю ряда градообразующих предприятий, какой её хотели видеть творцы нового мира. Написанные после революции 1905-1907 гг., снявшей последние цензурные запреты, эти труды наиболее полно и открыто отразили желание ивановской буржуазии напомнить обществу о своих заслугах и занять в его памяти подобающее место. Так, в 1912 г. своё столетие отметила фирма Коноваловых в Бонячках. По такому почтенному поводу она издала солидный для провинциальной историографии труд, описывающий

²⁶ Там же. С. 21.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 24.

историю предприятия, однако претендующий на куда более глубокие обобщения²⁹. «Хлопчатобумажная промышленность развилась и окрепла в недрах крестьянского люда, преимущественно в тех слоях его, которые были “ревнителями древнего благочиния”»³⁰, – такими словами безымянный автор подчеркнул исключительную роль старообрядцев в развитии фабричного производства в России (до апреля 1905 г. об этом вряд ли можно было говорить так открыто).

Предок нынешних владельцев огромного предприятия был крепостным и выкупился на свободу задолго до 1861 г., уплатив душевладельцам внушительную сумму – «по преданию», 24 тыс. руб.³¹ Это, конечно, не упрёк императорской власти за запоздалую крестьянскую реформу, но, несомненно, доказательство того, что своей свободой Коноваловы обязаны не монаршей милости, а только самим себе. Как и положено по законам жанра «фабричной литературы», книга рассказывает о масштабах производства, числе рабочих, парке машин и т.п. Однако составителя «очерка» куда больше привлекает общественная деятельность семьи Коноваловых. Уже в третьей четверти XIX в. А.П. Коновалов построил несколько социальных объектов, «свидетельствующих о его сердечной заботе по отношению к тысячным массам рабочего люда, служившего у него»: общежития, больницу, церковь, школу, баню, магазин³². Однако «наиболее крупным общественным делом его жизни» автор называет строительство железной дороги от станции Иваново до Кинешмы, трасса которой (усилиями А.П. Коновалова) пролегла «по наиболее полезному для Вичугского района варианту»³³. Полтора десятка лет А.П. Коновалов состоял гласным Кинешемского уездного земства, причём «зорко следил за интересами того класса, к которому он принадлежал, и отстаивал их против посягательств со стороны поземельного дворянства»³⁴.

Разумеется, наиболее подробно составитель «очерка» описал современное состояние предприятия и его социальной инфраструктуры. К 1912 г. она включала семь общежитий, четыре школы, больницу на 100 коек и амбулаторию, родильный «приют» и ясли, богадельню и «общественное собрание служащих». Предметом особой гордости хозяев стал посёлок Сашино: все сто с лишним его коттеджей были выстроены на средства фабрики и проданы её работникам с рассрочкой на

²⁹ Товарищество Мануфактур Ивана Коновалова с сыном... Б.г. (66 с.).

³⁰ Там же. С. 9.

³¹ Там же. С. 27.

³² Там же. С. 44-45.

³³ Там же. 54.

³⁴ Там же. С. 55.

12 лет. Не забыт был и досуг жителей «планеты Бонячки»: «Для развлечения служащим предоставлен парк, где два раза в неделю играет фабричный оркестр. В парке устроены площадки для танцев, тенниса и крокета, кегельбан и гигантские шаги для детей»³⁵. На фоне столь светских развлечений скромно смотрится храм в Бонячках, открытый только в 1904 г. Приоритетным для старообрядческой семьи этот объект явно не был: храм перестроили из двухэтажного здания фабричной больницы³⁶.

В том же 1912 г. предприятие Коноваловых выпустило ещё один, куда более монументальный очерк своей истории, обильно иллюстрированный фотографиями³⁷. Тексты двух изданий заметно различаются. Второе издание подробнее освещает именно социальные объекты фирмы. Так, здесь сообщается, что посёлок Сашино насчитывает 120 бревенчатых домов, крытых железом; строительство одного дома обходилось в сумму от 1100 руб. (при общей площади дома 36,5 м²) до 1200 руб. (для домов площадью 45 м²); средняя зарплата на фабрике составляла 180-250 руб. в год. Приусадебный участок каждого такого дома превышал пять нынешних «соток». Заметим, что дома в Сашине продавались *рабочим* фабрики; для её служащих и медперсонала фабричной больницы был выстроен посёлок Серёжино с кирпичными домами, часть которых считалась «особняками»³⁸. Столь же подробно описаны в «очерке» все другие социальные объекты фирмы Коноваловых: школы (первая из них была открыта ещё в начале 1860-х гг.), ясли на 160 мест с электрическим освещением и молочной кухней, больница с рентгеновским кабинетом и годовым бюджетом до 75 тыс. руб., родильный дом, где вся вода подвергается стерилизации³⁹.

Представленный в очерке мир не выглядит утопической идиллией. Его составитель как о чём-то вполне естественном пишет о различии в жилище и досуге между рабочими и служащими предприятия. 1200 жильцов фабричной казармы «ночуют» в ней посменно, так что в течение суток одной кроватью пользуются два человека. В краю воплощённой мечты управляемые и управляющие разделены даже в бане: рабочие моются из шаяк на первом этаже, а их руководители принимают душ или ванну на втором⁴⁰.

³⁵ Там же. С. 61-64.

³⁶ Там же. С. 49.

³⁷ Товарищество Мануфактур Ивана Коновалова с сыном... Б.г. (116 с.).

³⁸ Там же. С. 62-63. Названия обоих посёлков (вероятно, не признанные официально) были даны Коноваловыми в честь своих сыновей.

³⁹ Там же. С. 64-81.

⁴⁰ Там же. С. 63.

В том же 1912 г. вышел из печати отчёт о праздновании 25-летнего юбилея текстильного комбината Балиных в Юже (сам юбилей отмечался в январе 1911 года)⁴¹. Книгу составил уже имевший опыт «фабричного историографа» Я.М. Пашков. Он открыл труд кратким очерком развития фабрики, а затем перешёл к изложению выступлений участников торжеств. Едва ли не каждый из них проявлял философский подход к своему предмету, что вполне отвечало жанру юбилейных речей.

Так, священник церкви села Южа о. Евгений Алеев в длинной речи по случаю приуроченного к юбилею открытия при фабрике «Народного Дома» (клуба) аж на тысячу мест (население Южи тогда не превышало 15 тыс. чел.) обратил внимание собравшихся на то, что в последние годы рабочие «удалились от патриархальной простоты» и освоили «привычки городской жизни, а прежде всего – её недостатки».⁴² Далее, со ссылкой на Т. Карлейля (!), о. Евгений напомнил, что из-за разделения труда на отдельные операции он «сделался бездушным и безрадостным, оупляющим и духовно-убивающим»; в свободное же от него время рабочий тяготеет даже коротким досугом и не знает, на что его употребить. Отца Евгения поддержал его коллега – священник о. Николай Гусев, председатель Южского общества трезвости, чью фамилию мы находим в списках служащих фабрики. Он напомнил о высоком предназначении Народного Дома: «Цель его – облагородить, возвысить характер и склонности народа, отвлечь его от пагубной страсти пьянства и от всяких удовольствий так называемого трактирного пошиба». Рассчитывать в этом деле на одну лишь силу церковной проповеди о. Николай, вероятно, уже не мог; он только высказал пожелание, чтобы пьесы для рабочего театра отбирались построже, дабы Нардом не стал «местом развлечений, которое <будет для жителей Южи. – А.С.> дороже школы и чуть ли не ближе храма».⁴³ Как видим, философия позитивизма пустила в фабричном мире глубокие корни: священник здесь думает не столько о спасении душ прихожан, сколько о решении вполне мирских социальных проблем: борьбы с пьянством и организации культурного досуга. Не потому ли для воспитания подростков при фабрике был создан (по образцу молодёжных организаций протестантских стран) «Майский союз»?

На юбилее были зачитаны приветственные адреса от служащих и рабочих фабрики. Жанр подобных текстов требует перечисления именно тех дел, которыми юбиляр должен прославиться в истории. Служащие

⁴¹ Товарищество Мануфактур А.Я. Балина... 1912.

⁴² Там же. С. 9-13.

⁴³ Там же. С. 8.

(многие из них были уже немолоды) благодарили хозяев за больницу, пенсионный фонд и ссудную кассу «со вновь открытым погребальным отделом», а также за общее благоустройство Южи, «заставляющее забывать, что живёшь не в городе»⁴⁴. Рабочие выразили администрации признательность за то, что та не помнила учинённых ими «беспорядков» на предприятии (в сентябре 1907 г. туда пришлось вводить казаков)⁴⁵ и бесхитростно добавили: «Спасибо Вам за работу малолетних, облегчающих семью»⁴⁶. Не слишком курьёзным выглядел и адрес депутации незамужних ткачих – «девичьей артели», для которой незадолго до юбилея Товарищества было выстроено отдельное общежитие: «Мы живём уже три года спокойно, вдали от грязи, окружавшей нас раньше среди казарменной жизни»⁴⁷. Можно предположить, что «адреса» от рабочих и от девушек были написаны кем-то, кто знал, что именно будет приятно услышать хозяевам предприятия от объектов своего попечительства.

Однако чаще других брал в тот день слово директор фабрики Н.Н. Алянчиков – не только способный инженер-механик⁴⁸, но и самостоятельный мыслитель. В одном из таких откровенных выступлений Алянчиков раскритиковал культовый социальный институт пореформенного дворянства: «Земство, не дающее фабрике абсолютно ничего, получает с неё до 80 тысяч <рублей в год> и только при помощи этих денег кое-как оборачивается»; при этом «в Вязниковском земстве один врач приходится на 15,5 тысяч <жителей>, а у нас, даже считая и неработающих членов семей, один на 5 тысяч; в земстве одна акушерка на 18 тысяч, а у нас – на 3500 человек»⁴⁹. В этой связи можно вспомнить, что тема неспособности земства разумно распорядиться собираемыми с фабрикантов средствами звучала ранее в знаменитой книге ивановского промышленника и краеведа Я.П. Гарелина: по его словам, едва возникнув в начале 1870-х гг., город Иваново-Вознесенск уже платил в бюджет земства 25-30 тыс. руб., а назад не получал и десятой части этих денег; «земство плохо платило даже по тем статьям, которые обязательно были отнесены на его счёт» – например, на содержание мирового судьи, судебного следователя, земского врача; да и на начальное образование в городе оно отпускало «весьма незначительные пособия»⁵⁰.

⁴⁴ Там же. С. 15-16.

⁴⁵ Стачки в Иваново-Вознесенском районе... 1928. С. 81.

⁴⁶ Товарищество Мануфактур А.Я. Балина... С. 18.

⁴⁷ Там же. С. 23.

⁴⁸ См.: *Венедиктова*. 1996. № 8. С. 8.

⁴⁹ Товарищество Мануфактур А.Я. Балина... С. 34-35.

⁵⁰ *Гарелин*. 1885. С. 38, 39.

Обрушился Алянчиков и на тех отечественных фабрикантов, которые «льнут к иностранцам»; им он напомнил: «Фабрики, где <управляющими. – А.С.> были англичане, не были избавлены и от стачек. А может быть, мы первыми-то стачками на русских фабриках именно им и обязаны».⁵¹ Отметим звучащую в этих словах нотку патриотизма, который в те времена принято было называть «ситцевым».

Однако самое многозначительное замечание Алянчиков сделал в своём вечернем выступлении со сцены всё того же Народного Дома. «В 70-х годах прошлого столетия мы, часть тогдашней молодёжи, горячо увлекались романом Чернышевского “Что делать”. Сны Веры Павловны были нашей мечтой. Они были полны поэзии и неудержимо влекли к желанию когда-нибудь способствовать осуществлению хоть части тех дивных снов. А годы шли не напрасно; желанное будущее стало мало-помалу осуществляться»⁵². Ждать этого жителям Южи оставалось уже недолго: «Летом вокруг нашего Народного Дома раскинутся и те сады и лужайки, которые видела в своём вещем сне Вера Павловна»⁵³. Воистину, крайности сходятся: утопический социализм Н.Г. Чернышевского отозвался в умах Балиных и Алянчикова. Это не слишком удивительно: мыслителя роднила с коммерсантами вера в способность человека по своей воле преобразовать несовершенный, косный мир на разумных, рациональных началах. Увы, «строительный материал» иногда сопротивлялся своим просвещённым ваятелям: за три года до юбилея, осенью 1907 г. южские рабочие ответили забастовкой на попытки вновь вступившего в должность Н.Н. Алянчикова запретить им греть «куб для чая» в течение всей смены и не впускать в цех опоздавших. Тогда поклонник Чернышевского действовал способом, который вряд ли одобрила бы Вера Павловна: уволил с фабрики 76 зачинщиков беспорядков и выселил их из казарм. Впрочем, вслед за этим Алянчиков выдал «от себя» пособие «обедневшим семьям», устроил спектакль в пользу общества трезвости и провёл выборы фабричных старост, «дабы приблизить рабочих к администрации и восстановить с ними хорошие отношения».⁵⁴ В дни торжеств об этих неприятных событиях, кажется, не говорили. Сложнее было стереть из памяти недавнюю революцию. Ветеран корпуса служащих фабрики И.Я. Яковлев не мог промолчать о ней даже в юбилейной речи: «Памятен 1905 год. В эти бурные дни мне пришлось пробыть здесь с лишком две недели и видеть волну, охватив-

⁵¹ Товарищество Мануфактур А.Я. Балина... С. 39.

⁵² Там же. С. 53, 54.

⁵³ Там же. С. 55.

⁵⁴ Стачки в Иваново-Вознесенском районе... С. 83.

шую здешний рабочий люд, когда труд восстал против капитала. Всё, что происходило здесь, трудно передать, надо было видеть. Скажу кратко: жутко было – сегодня жив, а завтра...»⁵⁵.

В канун первой мировой войны библиотека местных «фабричных книг» пополнилась ещё несколькими интересными изданиями. Не дождавшись семи лет до векового юбилея, свой «Краткий исторический очерк» опубликовало предприятие братьев Горбуновых, чьи фабрики действовали в сёлах Киселёве Нерехтского уезда Костромской губ. (сейчас в черте города Фурманов Ивановской обл.) и Колобове Ковровского уезда Владимирской губ.⁵⁶ Законы жанра выдержаны здесь в полной мере. Примерно половина книги отведена описанию истории развития двух фабрик и их современному состоянию. Затем автор переходит к подробному рассказу о том, что не имело прямого отношения к коммерции – о социальной деятельности братьев Горбуновых. На их средства при каждой из фабрик были выстроены больница, школа (училище в с. Киселёве имело даже кинопроектор) и жилой посёлок; в ближайшие планы хозяев входило сооружение богадельни и «колыбельной для рабочих» (вероятно, детских яслей).⁵⁷ В духе времени фабрикант организует и досуг людей: воскресные «синематографические сеансы» в рекреационном зале Киселёвского училища «посещаются всем рабочим населением фабрик»⁵⁸. Автор подчёркивал, что фабричные больницы и училища бесплатно обслуживали любого нуждающегося, а не только рабочих и их детей; так, в 1911 г. «нефабричные больные» составляли свыше трети всех пациентов амбулатории и клиники в Киселёве⁵⁹. (Заметим, что это следует считать серьёзным достижением в патриархальном крестьянском мире начала XX века, где обращаться за врачебной помощью ещё не было принято).

В соседнем с Киселёвым селе Серёда (ныне г. Фурманов Ивановской области) работало более молодое текстильное предприятие – прядильно-ткацкая фабрика наследников И.И. Скворцова. В 1913 г., на 43-м году со дня основания, она также издала очерк своей истории, да ещё с каким размахом: уступая предприятию братьев Горбуновых по числу рабочих примерно в полтора раза, середская фирма втрое превзошла соседей объёмом своего PR-проспекта, рассказав о себе на 120 страницах, снабжённых фотоиллюстрациями⁶⁰. Две трети книги отведены описанию

⁵⁵ Товарищество Мануфактур А.Я. Балина... С. 42.

⁵⁶ Товарищество Бумаго-Ткацкой Мануфактуры... 1913.

⁵⁷ Там же. С. 21-26.

⁵⁸ Там же. С. 30.

⁵⁹ Там же. С. 22.

⁶⁰ Товарищество мануфактур, основанных И.И. Скворцовым... 1913.

социальной деятельности владельцев компании. Перечень их достижений выглядит почти стандартно: жильё для рабочих и служащих, больница с «родильным приютом» и амбулаторией, училище, «харчевые лавки» с годовым оборотом в четверть миллиона тогдашних рублей (1912 г.), баня, прачечная, библиотека-читальня. Некоторое разнообразие вносят два нетривиальных деяния дочери и наследницы основателя компании М.И. Скворцовой: за два года, что она стояла во главе «дела» (1892-1894), эта женщина пожертвовала 150 тыс. руб. на возведение храма в Середе и подарила неназванную сумму Московскому Университету «на постройку здания библиотеки», которая должна была носить имя её отца.⁶¹ Роскошный храм на 2-2,5 тыс. молящихся строили 8 лет (1897-1905 гг.); он обошёлся в итоге в астрономическую сумму – 425 тыс. руб.⁶² Судьба денег, пожертвованных университету, автору неизвестна.

Преемники М.И. Скворцовой пошли в деле общественного служения ещё дальше: в пяти верстах от села Писцово, где работала одна из двух принадлежавших им фабрик, в деревне Шатры сын благотворительницы Н.П. Павлов выстроил начальное училище «В память 17 октября 1905 года» (!). Мемориал русской конституции – два добротных бревенчатых дома на 70 учеников (лучшие здания среди всех земских школ Нерехтского уезда) – обошёлся чуть не в 15 тыс. руб.⁶³ Заметим, что все другие учебные заведения, открытые Павловыми, носили имена членов их семьи. Книга заканчивается приведённой без комментариев таблицей, в которой исчислены все налоги (казённые и земские), уплаченные каждой из двух фабрик, а также членами их правлений. Таблица свидетельствует, что с 1903 по 1912 г. суммарный податной гнёт вырос с 14,3 тыс. руб. до 85,4 тыс., то есть в шесть раз.⁶⁴ Невысказанный автором вопрос ясен: за что должно платить государству и земству Товарищество, которое само ведёт широчайшую социальную работу?!

В заключение рассмотрим «фабричную» книгу, посвящённую вкладу, внесенному в дело народного просвещения текстильным предприятием семьи Красильщиковых из с. Родники Юрьевецкого уезда Костромской губернии (г. Родники Ивановской обл.) и потому, вероятно, изданную у «самого» И.Д. Сыгина⁶⁵. Целью публикации, которую безымянный автор скромно назвал «очерком культурно-просветительской деятельности, развившейся при фабрике и выполняемой местными ин-

⁶¹ Там же. С. 15.

⁶² Там же. С. 56.

⁶³ Там же. С. 98.

⁶⁴ Там же. С. 116-117.

⁶⁵ Товарищество мануфактур Анны Красильщиковой с Сыновьями... 1913.

телигентными силами» на протяжении 25 лет, было «способствовать широкой постановке вопроса о средствах поднятия образования рабочего в России, считая это вопросом государственной важности»⁶⁶.

Книга и впрямь рисует картину разнообразной просветительской работы компании, на средства которой было выстроено и содержалось не только училище в Родниках, но и ещё шесть начальных школ в двух сопредельных уездах: «Фабрика сама пошла со школой ближе к населению».⁶⁷ Ещё шесть школ в трёх уездах получили от Красильщиковых субсидии. Цитируемая книга интересна тем, что её автор не отказывается признать вклад «общества», то есть дворянства, в дело народного просвещения: «Не подлежит сомнению, что значительный рост грамотности <в Родниковском районе. – А.С.> есть результат совместной деятельности всех культурных сил, а главным образом земств».⁶⁸ Подобно иным промышленникам, всерьёз озабоченным идеей общественного служения, Красильщиконы «увенчали» свою социальную деятельность постройкой в Родниках «Народного Дома имени И.М. Леонтьева» общей площадью 1000 м² с залом на 900 мест, обставленным венской мебелью. Дом культуры обошёлся хозяевам в 50 тыс. руб. На его сцене выступали актёры московского театра Корша «под антрепризой Набатова и Пельтцера». Впрочем, в родниковском Нардоме занимались и вполне прозаическими вещами: продавали книги, велосипеды (в среднем по одному в месяц), швейные и вязальные машинки и даже сельхозинвентарь⁶⁹.

Подведём некоторые итоги. Изданные на рубеже веков «фабричные книги» отразили широкий спектр общественно-полезной деятельности их заказчиков, несомненно, достойной памяти потомков. Изложенная в книгах концепция социального служения промышленников настаивала на его добровольном и сугубо светском характере (показательно, например, что ни одна книга не упоминает о пожертвованиях фабрикантов в пользу церковно-приходских школ или монастырских богаделен), а также на его «прогрессивной» направленности – в позитивистском понимании прогресса как распространения в обществе научных знаний и перестройки жизни людей на их основе. Эта концепция носит следы влияния ряда общественно-политических доктрин второй половины XIX в., включая марксизм с его теорией классовой борьбы «труда с капиталом»; иногда социальная работа фабрикантов изображается следующей этим учениям, а иногда – опровергающей их. Изобра-

⁶⁶ Там же. С. 4.

⁶⁷ Там же. С. 14.

⁶⁸ Там же. С. 8.

⁶⁹ Там же. С. 32-38.

жение владельцев предприятий могущественными и мудрыми устроителями жизни целого социума роднит их с просвещёнными монархами XVIII века. В то же время «фабричные книги» не стремятся угодить каким-либо установкам официальных властей, которые вплоть до 1917 г. не имели чётко сформулированной социальной политики.

Интересен вопрос о том, что *не отразилось* на страницах «фабричных книг». Их составители явно игнорировали масштабы подлинной нужды жителей фабричных сёл и слобод в социальной помощи: например, не сообщали о том, сколько очередников ожидают места в фабричных казармах, или о статистике правонарушений в них (этот приём будет впоследствии использован и в советской пропаганде «наших достижений»). Не встретилось и попыток честно оценить эффективность социальных программ, реализуемых за счёт фабрикантов, скажем – изучить влияние народного дома на снижение потребления спиртного или проследить динамику выпуска учеников, закончивших *полный* курс наук в фабричной школе (и эту привычку унаследует советская власть, недолголюбившая полевую социологию). Все книги крайне скупо освещают условия труда в фабричных цехах, как если бы рабочие не проводили там по 10-12 часов в день – гораздо больше, чем в учреждениях образования или досуга. Иными словами, творимая по заказу фабрикантов социальная память была заведомо пристрастной «историей успеха».

Не менее интересен и вопрос о том, *кому адресовались* «фабричные книги», то есть о той общественной среде, памятью которой издатели дорожили. Текст книг перегружен статистическими выкладками, нередко сведёнными в пространные таблицы. Язык «очерков» далёк от того, который сто лет назад был доступен простому читателю. Цена многих книг, изданных в помпезном «подарочном формате», явно превышала покупательную способность среднего жителя фабричных посёлков. Всё это заставляет предположить, что книги адресовались в первую очередь «обществу», как традиционно именовала себя дворянская интеллигенция. В русской провинции рубежа веков аристократический состав «общества» уже заметно «поразбавили» представители просвещённого духовенства и коллеги издателей фабричных книг – коммерсанты и промышленники, способные одолеть статистические выкладки и специальную терминологию. Вероятно, именно на их социальную память в первую очередь и рассчитывали те, кто создавал и издавал панегирики самим себе. Однако крепкие переплёты и толстая бумага косвенно свидетельствуют, что книги могли адресоваться и потомкам, «людям будущего», к приближению которого фабриканты приложили немало усилий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Венедиктова Т. Балины // Былое. 1996. № 8.
- Воронов Н.И. Записки Николая Ираклиевича Воронова. О событиях Владимирской губернии. Владимир, 1907.
- Высочайше утверждённое Товарищество мануфактуры Асигкрита Яковлевича Балина при селе Юже, Владимирской губ.: Ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. Вязники, 1896.
- Гарелин Я.П. Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад (Владимирской губернии). Ч. II. С 19 февраля 1861 года по 1 января 1884 года. Шуя, 1885.
- Общество потребителей при фабриках Товарищества Мануфактур В.Е. и А. Ясунинских, в селе Кохме, Владимирской губернии: Отчёт за шестой операционный 1897-й год. Владимир, 1898.
- Описание торжества чествования директора-распорядителя «Товарищества А.Я. Балина» Николая Асигкритовича Балина. На память. / Сост. Я.М. Пашков. Вязники, 1897.
- Стачки в Иваново-Вознесенском районе. 1905-1916 годы. /М.К. Дианова и др., ред. Иваново-Вознесенск, 1928.
- Товарищество Бумаго-Ткацкой Мануфактуры Бр. Г. и А. Горбуновых: Краткий исторический очерк. 1826-1913. М., 1913.
- Товарищество Мануфактур А.Я. Балина: Описание празднования 25-летия учреждения Товарищества. 1885-1910 /Я.М. Пашков, сост. М. 1912.
- Товарищество мануфактур Анны Красильщиковой с Сыновьями. В селе Родниках, Юрьевоцкого уезда, Костромской губ. Культурно-просветительская деятельность в Родниковском фабричном районе. М., 1913.
- Товарищество Мануфактур В.Е. и А. Ясунинских в с. Кохме, Владимирской губернии, Шуйского уезда. М. 1896.
- Товарищество мануфактур «Ивана Гарелина с сыновьями» в г. Иваново-Вознесенске, Владимирской губ. М., Б.Г. [предположительно 1907 г.]; Товарищество мануфактур Ивана Гарелина с сыновьями. 1855-1905. М. 1904; 1907.
- Товарищество Мануфактур Ивана Коновалова с сыном. 1812-1912 г.: Краткий исторический очерк. М.. Б.г. 66 с.; Б.г. 116 с.
- Товарищество мануфактур, основанных И.И. Скворцовым. Описание средних и писцовской фабрик. М. 1913.
- Товарищество мануфактур Прасковьи Витовой с сыновьями в городе Иваново-Вознесенске: Белильная, ситцепечатная и красильная фабрика близ города в Петрищеве. М., [1896].
- Торгово-промышленная деятельность фирмы Ивана Александровича Коновалова. 1812-1896 гг. (Историко-статистический очерк). М., 1896.
- Bocharov A.N. City of Ivanovo-Voznesensk, in the government of Vladimir, its locality and industries. Chicago, 1893. – World's Columbian Exposition of 1893, in Chicago.

Степанов Аркадий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Ивановского государственного университета. pastenovas@mail.ru